

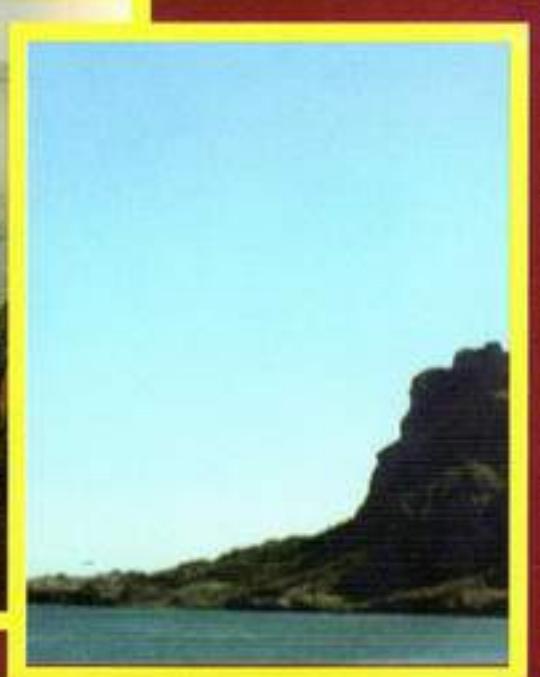
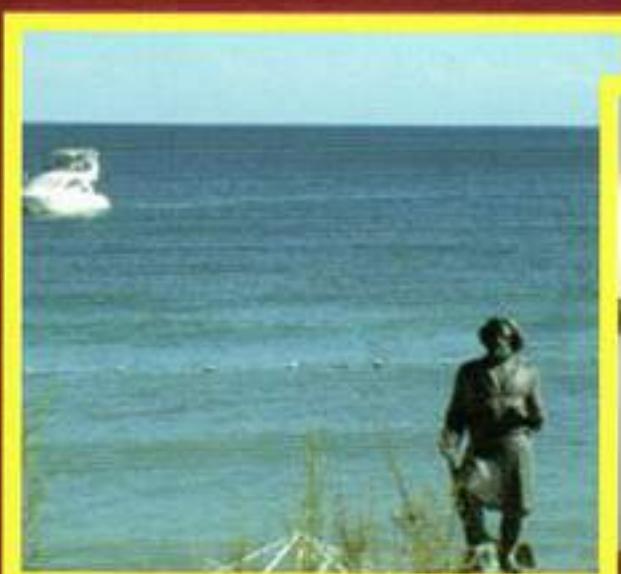
Российский Межрегиональный Союз Писателей
Академия Русской Словесности
и Изящных Искусств
им. Г.Р.Державина

Золотое Слово

ВЫПУСК № 15

Литературно-художественный журнал

Ольга ПОЛЯКОВА

Рисунок интерьера

Вопрос изображения интерьера возникал перед художниками всех времен. Решалась эта проблема по-разному и всегда на уровне последних достижений, как интеллектуальных, так и технических.

Греки уже в пятом веке до н.э. пытались передавать с помощью линейного рисунка объемные трехмерные изображения. Они разработали основные перспективные законы, базирующиеся на особенностях зрительного восприятия. Стремление художников работать с натуры и максимально реалистично передавать объем и эффект удаления пространства на плоскости, пользуясь закономерностью восприятия, свойственной специфике человеческого зрения и психологии, принесло великолепные результаты. Многие открытия греков успешно используются современным искусством.

В эпоху Возрождения усиливается интерес художников к фундаментальным знаниям, так как уже был накоплен большой эмпирический опыт.

Серьезную теоретическую работу по рисунку интерьера провел Леонардо да Винчи, создав замечательные иллюстрации с комментариями, этими достижениями активно пользуются современные художники и архитекторы.

Характерно, что в то же время на севере Европы, в Германии, над теми же проблемами работал Альбрехт Дюрер. Причем, он проводил параллель между пропорциями тела человека (хорошо известен всем художникам «пропорциональный циркуль Дюра») и пропорциями интерьера. Впоследствии эти теории превратились в академический канон.

В пылу борьбы с академическим искусством в начале 20 века некоторые достижения были забыты, или, во всяком случае, сейчас воспринимаются современными художниками как вновь открытые.

Рисунок интерьера - важное и необходимое задание творческих факультетов Инсти-

тута живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Он выполняется с натуры студентами всех курсов архитектурного факультета, а также театральной мастерской живописного факультета.

Задания проводятся в вестибюле академии художеств, академической библиотеке в музее слепков РАХ и в залах Эрмитажа. Эти интерьеры разные по стилистике и поучительны для студенческого задания.

При проведении рисунка очень важна методика. Начинается работа с разъяснения подхода к поставленной задаче, просмотра и анализа образцов архитектурных рисунков предшественников, как классиков - Ухтомского, Гая, Примацци и других мастеров, так и лучших интерьеров выпускников из академического методического фонда.

Затем, прежде чем приступить к выполнению основной работы, обязательно всеми студентами проводятся подготовительные зарисовки с натуры под руководством педагога.

На эскизах выясняется место, с которого будет выполняться рисунок, композиция, пропорции главных архитектурных объемов, горизонт, точка смотрения, тональное решение, освещенность, материал логичный для реализации поставленных задач.

Построение длительного рисунка начинается с определения основных пропорций, больших и малых отношений объемов. Знания линейной перспективы необходимо применять на практике. Надо четко определить массы и планы образованные архитектурными формами.

Периодически необходимо возвращаться к проверке построения, используя знания перспективы.

На младших курсах рекомендуется выполнять рисунок на не большом размере бумаги, не более $\frac{1}{2}$ листа, графитным карандашом, с использованием подкладок, мокрым соусом, сепией, акварелью.

Особое внимание следует уделить выбору

материала. Бумага может быть цветная, пастельная, на холодной имприматуре хорошо смотрится рисунок теплыми материалами: сангиной, сепией. На теплой основе органично выглядит графитный карандаш или уголь, ретушь, итальянский карандаш, тушь перо тростниковая палочка и др. профессиональные материалы.

Старшие курсы используют большие размеры, до 70 см по большей стороне, и применяют такие материалы как соус, сангину, тушь перо, уголь, сепию. После четкого построения интерьера, проверки как общих пропорций, так и многочисленных фрагментов, их отношений друг к другу, ухода в пространство или выхода на передний план важных деталей и консультации с педагогом, можно приступить к работе в тоне, начиная со средней нагрузки в самых темных местах, постепенно, не перетемняя, переходят к детализации. Работа первоначально ведется в светлом диапазоне с расчетом на возможный впоследствии темный тональный набор.

Важную роль в интерьере играет свет, в зависимости от освещения архитектурные формы воспринимаются по-разному.

Можно использовать дневной свет, эффект контражура часто привлекает студентов возможностью более эмоционального решения работы. Вечернее освещение требует серьезного отбора интенсивности источников света, иногда очень интересно выглядит сочетание дневного и искусственного света. Та-

кие рисунки более интенсивные, тонально наружённые в них четче светораздел формы и рельеф деталей. Даже при сильной тональной нагрузке, линии построения должны просматриваться.

На старших курсах задание усложняется. В рисунок вводятся фигуры людей и скульптуры.

В залах Эрмитажа старшими курсами работа ведется над интерьерами со скульптурами, где необходимо обострять светораздел для более внятной трактовки формы и внимательно перепроверять пропорции общего построения, а также масштаб скульптур.

В завершении смягчаются, при необходимости, касания в углах, акцентируется материальность предметов: мрамор, металл, дерево, стекло, протираются блики, обобщаются второстепенные детали.

На рисунок должно быть предоставлено достаточно времени, чтобы студенты могли справиться с поставленными задачами.

Методика работы и последовательность ведения рисунка должны соблюдаться на протяжении всего исполнения задания.

Программа по рисунку института им. И.Е. Репина мало меняется. В институте сохраняется высокий уровень мастерства и профессиональной грамотности и не утрачиваются достижения, продуманные и отработанные многими поколениями русских и иностранных художников.

Вячеслав ПОЛЯКОВ

Дон Батюшка – золотое донышко

Дельта Дона во все времена была известна обилием ресурсов, имея не только огромное геополитическое (выход в Азовское море), но еще и хозяйственное значение. Азовское море было в 6,5 раз более продуктивно на единицу площади, чем Каспийское, в 40 раз больше, чем Черное и в 160 раз больше, чем Средиземное море. Битва за ресурсы дельты – «Божий присуд» по-казачьи – велась всегда, во все времена, по сей день и час.

По Белградскому миру 1739 г., после очередной русско-турецкой войны, вновь хлынули на барьерные «нейтральные» земли не только Донские казаки, но и преимущественно малороссияне. Осваивая берега и побережье, они ставили рыбные « заводы » – примитивные рыболовецкие хозяйства. Самый большой и многочисленный рыбачий стан назывался Щучьим, или Казачьим. В середине 16 века упоминается как Посольский ерик. Станица основана в 1753 году добровольными переселенцами из низовых донских станиц. До 1807 года называлась Щучьей. Это одно из древнейших поселений Нижнего Дона. Возникло как сезонное стойбище кочевников-скифов в конце 6 – начале 5 вв. до н.э. Во второй половине 4 в до н. э. Елизаветинское городище превратилось в крупнейшее в Северо-Восточном Приазовье. Город стал торговым, административным и ремесленным центром всего региона, в нем размещалась ставка родоплеменной знати и греческие кварталы.

Первое упоминание о Донских казаках в документах относится к 1546 году. Первые казачьи городки появляются во второй четверти 16 века. Известна жалоба Ногайского князя Юсуфа Ивану Грозному в 1549 году на казаков. У них уже были городки в низовьях Дона. В 1593 году казаки поставили свой городок на Посольском Ерике (Казачьем) близ Азова – ныне станица Елизаветинская.

В 1768 году началась новая война России с Турцией. В 1769 году Азов и вся дельта Дона снова были заняты русскими войсками. Кючук-Кайнаджирский мир закрепил территорию Дельты Дона в составе России. Эти

земли вошли в состав Азовской губернии, существовавшей с 1745 по 1784 гг.

Задолго до войны с турками и во время войны с ними Донские казаки, запорожцы и малороссияне стали захватывать территории дельты Дона и ставить там свои поселения. Малороссияне и запорожцы составили особую милицию под названием Ново-донских казаков и пытались занять все три донские гирля – от устья Чулека до впадения реки Кегальник в Азовское море. После заключения Кючук-Кайнаджирского мира в 1774 году эти «Ново-донские» отряды были расформированы и включены в состав Донских казаков или в состав мещан ростовской, таганрогской и азовской крепостей.

После указа Екатерины II в 1780 году новая волна переселенцев хлынула на Дон. С 1783 года на Украине официально началось закрепощение лично свободных людей, среди которых было много реестровых казаков. «Истари малороссияне и великороссы приходили на Дон с намерением поступить в казачье звание». Во второй половине 18 века тяготы службы резко возросли, и русские и малороссы не торопились войти в казачье общество, а селились в качестве вольных. Тут Донские казаки и атаманы стали вылавливать и насильно закрепощать всех, кто объявлялся на казачьих землях. Одних закрепляли за донской старшиной, превращавшейся в помещиков, других за станицами.

Тех, кто стал жить на землях донских офицеров, в 1796 году царским указом признали крепостными этих офицеров-помещиков. Те, кто жил в станицах, платили казакам пожилое и выполняли разные земские повинности, но имели важное преимущество: их не брали на службу, не отрывали от хозяйства. Крепостная зависимость стала уделом лишь тех, кто по собственной воле приходил на казачьи земли.

Еще в конце 18 века рыбы на Дону было так много, что сухую тарань продавали не на вес и не на счет, а кучами и возами, ценою от 2 до 20 копеек за кучу или воз. При таких ценах, низовых казаков называли «тараньей то-

лочью», а Дон – «золотым дном».

В начале 19 века количество рыбы в Дону «умалилось более чем во сто крат». Причин называли две: первая – резко увеличилось население по берегам Азовского моря, и много рыбы стали ловить на продажу еще до того, как она дойдет до устья Дона; вторая – «от злоупотребительного лова некоторыми частными людьми, к сословию донских казаков не принадлежащими, в самом устье Дона».

Цены на рыбу выросли. Красная рыба стоила в то время от 10 до 20 рублей за пуд (цена лошади на Дону в начале 19 века была 15-20 рублей). Тарань уже стоила от 4 до 20 рублей тысяча, судак – от 50 до 200 рублей тысяча, лещ – от 100 до 500 рублей тысяча.

Зимой одна «ахапка» (особая сеть, подвешенная подо льдом) давала чистой прибыли до 2000 рублей, по 200 рублей на одного члена ватаги.

Этот хищнический лов, подогреваемый высокими ценами, и вызвал первое резкое снижение продуктивности Батюшки Дона. Новые поселенцы не полагали себе никаких пределов в ловле рыбы, пересыпали большими ловушками и миллионами крючьев, перегораживали все устья Дона и морской залив сотнями километров сетей. Наконец, до того распространили эту недозволенную ловлю, что вовсе пресекли ход рыбы из моря в Дон.

Казачье сопротивление с каждым годом нарастает. Увеличивается само казачье население (за 19 век Войско Донское выросло более чем в 5 раз). В 1799 году создается Роговская станица, за ней, в 1802 году – Гниловская, в 1807 году Щучий (Казачий) стан тоже преобразуется в станицу и получает название Елизаветинская в честь Августейшей монархии Елизаветы, супруги царствовавшего тогда императора Александра I.

В 1822 году в жизни населения дельты Дона произошли изменения, прекратившие борьбу казаков с малороссиянами из-за рыбной ловли. Комитет по устройству Войска Донского отныне разрешал ловить рыбу в Дону только казакам и запрещал это делать всем остальным категориям населения. «И казаки снова увидели рыбу в Дону», – сказано в «Статистическом описании» (8, л. 71). С этого времени начинается экономический рост станицы Елизаветинской и ее хуторов. В 1822 году на всем Дону был 351 рыбосчет-

ный завод, из них 167 – в станице Елизаветинской, дававших две трети всей товарной рыбы Дона.

В начале 20 века рыболовство снова приняло хищническое направление и быстро истощило рыбные запасы из-за увеличения спроса на продукты питания и развития путей для вывоза. За 7 лет, с 1901 по 1908 гг. добыча рыбы сократилась в 12 раз. Во второй половине 19 века объем торговли рыбой в Ростове, Таганроге и Азове превосходил в денежном отношении объем торговли хлебом. Уже в 1909 году каждый день по Дону в его низовьях в среднем проходило по 30 пароходов, иногда более 100 в сутки. За один час 12 апреля прошло 39 пароходов. Сегодня эти цифры в сотни раз больше по количеству и в тысячи – по тоннажу. Река уже в конце 19 – начале 20 века погибала, но не до конца.

В 1914 году, когда началась война, движение судов резко сократилось, значительный контингент потенциальных браконьеров был призван в армию. Так бедствие огромного масштаба на время спасло рыбные запасы Нижнего Дона от окончательного уничтожения.

Одним из первых постановления Большого Войскового круга в мае-июне 1917 года было постановление об охране рыбных ловль. Во время гражданской войны – снова хищнический лов без надзора. «Революция сама по себе, а рыба все равно наша», – говорили казаки.

В 30-х годах 20 века, после всеобщей коллективизации в рыбколхозы, всю рыбу «до последнего хвоста» сдавали по твердым закупочным ценам. За каждую рыбешку или даже «отхап» можно было получить срок, как «за колосок».

В Великую Отечественную войну, перед самой оккупацией на Нижнем Дону, в том числе и на заповедных территориях, выловили подчистую всю рыбу – чтобы она не досталась оккупантам. На «излов» былоброшено все трудоспособное население.

Возможность быстро разбогатеть на рыбе всегда соблазняла людей, многие из них становились браконьерами. Эта «профессия» и сейчас процветает не только на Дону.

До революции рыбная ловля на Дону регулировалась Войском и Государством. Существовала должность смотрителя рыбных ловель, у которого была своя караульная коман-

да – гирловая полиция (группа вооруженных инспекторов). По закону вся рыбная ловля принадлежала только представителям казачьего сословия.

Во второй половине 19 века в низовьях Дона от протоки Каланча до Таганрогского залива вся территория считалась заповедной. Здесь нельзя было ловить рыбу даже казакам.

В настоящий момент в процессе возрождения казачества государство приняло «ряд правовых норм и положений, которые должны способствовать возрождению традиционного способа хозяйствования казачества», но о рыбной ловле, бывшей основой казачьего хозяйствования в Низовьях Дона, в этих документах практически не говорится.

Больно смотреть автору этих строк на почти труп могучего Батюшки Дона Ивановича, наблюдая в хуторе Колузяево станицы Елизаветинской день и ночь непрерывный поток караванов судов-большегрузов типа «река-море». Причем, вверх, «до горы», они поднимаются пустыми, а вниз, к морю, – отягощенные нашим «золотым» в прямом смысле зерном, подсолнечным маслом, нефтью, углем и прочими стратегическими ресурсами, которыми так щедра наша Донская земля – «Божий присуд» по-казачьи. Все лучшее просто разворовывается уже многие десятилетия. Настоящий национальный капитал, на котором Россия должна непременно богатеть и богатеть и быть, где ей положено – впереди планеты всей с таким богатствами. Все оседает за рубежом на банковских счетах кучки ворюг. Где же такое видано?! Земля, которую с таким напряжением всех сил удерживали наши предки – Донские казаки, больше нам не принадлежит. Она поругана и разграблена временщиками. Возникает естественный вопрос: доколе?! Нынешнее поколение страдает и даже не догадывается: в Дону – Золотом Донышке водились осетры, белуги, севрюги, стерляди, их было в огромном достатке. Один служивый казак мог прокормить до сотни человек не только хлебом, но и мясом, молоком, маслом, рыбой, овощами и фруктами. Какие там современные «продвинутые» американские или канадские фермеры! Свели под корень настоящих рачительных хозяев Божьего присуда, которые не только возделывали цветущий райский край, но и строили, и защища-

ли всю Матушку Россию.

Современные «хозяева» жируют за рубежом за наш с вами счет. В конце пятидесятых прошлого века старики рассказывали, как в 1954 году в Обуховском храме Преображения Господня станицы Елизаветинской служили панихиду по кончине Батюшки Дона, который был перекрыт ГЭС, что перекрыло ход рыбы на нерест на 1500 км вверх. Не стал Дон весною разливаться в пойме, обеспечивая нерест рыбе всего Азовского бассейна: резко сократилась ее добыча и видовое разнообразие. Но и этого мало. С 1960-х гг. ведутся буровые разведывательные работы в районах Новохоперска, станицы Еланской, на Елкинском медно-никелевом и кобальтовом месторождениях под Воронежем – в самом сердце Российского Черноземья.

Господь дал людям все для жизни в Раю. Казаки Божье творенье зовут «Божьим Присудом». Жизнь – Божий Дар. Пользуйтесь справедливо и бережно, сберегая и преумножая для потомков, как завещали предки, заплатившие дорогую цену за право пользоваться Присудом. Легко поддаться искушению заработать, злоупотребляя бесценным даром. Ворье всегда жаждет украсть и продать Родину подчистую. Неважно что – рыбу, хлеб, подсолнечное масло, уголь и нефть, или медь, никель с кобальтом – а там «хоть трава не расти».

Казаки всегда жили «с воды да травы». Стране необходимо для нужд собственной промышленности только 3% от планируемой добычи никеля, остальные 97% – искушение продать за рубеж нашим врагам на производства в том числе оружия, направленного из зависти против нас. Расхитители жили и будут жить во все времена «одним днем». Неважно, на чем обогащаться – лишь бы «срубить поскорому». Так было всегда. Загубить безвозвратно лучшее в мире черноземье – им наплевать. Их дети здесь не живут, и внуки никогда жить не будут. Нам, не желающим по моральным причинам грабить ближних и лишать грядущие поколения «Божьего Присуда», достанется безжизненная гниющая пустыня, засоленная и зараженная тяжелыми металлами. Продажные чиновники жаждут погреть руки на народной беде – грабеже и убийстве Родины.

Ничего удивительного – так было во все времена: «спрос рождает предложение, рынок

все управит». Только сплоченность народа и воля государей не позволяли ворью всех мастеров и чиновникам творить беспредел на нашей земле. Теперь голос общества не слышен правительству. Государя нет: народ сам его предал и отрекся от Помазанника Божия. Грех цареубийства на всем нашем народе.

Моя бабушка Анна Панкратьевна приговаривала: «Вырастешь – будут у тебя дети,

внуки и правнуки, если доживешь. Страдать будете, не догадываясь за что – за грехи наши. Мы-то знаем, за что пострадали – отступили от Бога. Господь покарал безумием: брат на брата, сын на отца. Только всеобщее воцерковление и соборное покаяние избавит вас от нашего греха. Бог простит и пошлет власть, которая нас услышит. Он все управит».

Дети ериков

В конце 80-х годов все образованное общество жило в поглощении от корки до корки толстых литературных журналов, таких как «Новый мир», «Иностранный литература», «Нева», выходивших многомиллионными тиражами. Каждый экземпляр передавался из рук в руки много раз и зачитывался буквально до дыр. Общение «совков» сводилось к обсуждению прочитанного, а не к политике или хлебу насущному. Наше поколение не помнило продовольственных карточек и содержания полок в магазинах. Мы были одеты и сыты – но голодны, жадны до информации, с упоением учились. В советское время второе – и последующие – высшее образование было бесплатным – только учись! Учились не ради будущей карьеры и денег, а просто жили в этом прекрасном и удивительном мире, стремились познать его и самих себя, определить свое отношение к этому непостижимому миру...

Лев Николаевич Гумилев был не просто запрещенным «диссидентом», он был легендой – кумиром современников. Чем больше его критиковали официальные мэтры от науки, тем больший интерес в обществе Гумилев возбуждал среди поклонников – фанатов и оппонентов. Лев Николаевич преподавал в Ленинградском Государственном университете, читал лекции по народоведению, которые посещали не только студенты. Аудитории не вмещали всех желающих увидеть и услышать живую легенду. Сейчас, после смерти ученого, приходится слышать от людей, посещавших его лекции, что они считают себя его учениками. Их можно понять: личность и творчество Льва Николаевича оказали сильное влияние на мировоззрение многих, в том числе и автора этой статьи.

На презентации книги «Древняя Русь и Великая степь» в 1989 г. в Большом конференц-зале ЛГУ яблоку негде было упасть. Мне посчастливилось за час до начала сесть посередине третьего ряда: два первых предна-

значались только для ректората профессуры. Много цветов и восторженных лиц. Полный триумф! По окончании – вопросы. Их было много. Настал и мой черед. Я спросил:

- Почему «степь» – женского рода? У нас, донских казаков, «степ» – мужского.
- Вы откуда? – спросил Лев Николаевич.
- Из Древней Таны – станицы Елизаветинской, – ответил я.

Меня было плохо слышно огромному залу, в который набилось около тысячи человек. Я стоял в трех метрах от Гумилева. Он сказал: «Останьтесь, пожалуйста». С этого момента «глаза в глаза» возникла связь, продолжавшаяся до самой его кончины. Ждать пришлось долго – больше часа. Толпа поклонников осаждала его в галерее второго этажа Университета. Я терпеливо ждал, улавливая его извиняющийся взгляд через головы и плечи людей, донимавших его вопросами и автографами. Наконец он пригласил меня к общению жестом. Сердце мое ликовало, но в последний момент «ушло в пятки». Я не успел раскрыть рта, как он сам спросил, как меня зовут, и совершенно по-казачьи лукаво добавил: «...и чьих ты будешь?». В ту пору в Ленинграде такой вопрос мог задать только очень близкий человек-земляк. Откуда этот рафинированный интеллигент-зек мог знать сокровенное, родное и глубокое – даже в нюансах интонации?

- Поляков – старого казачьего рода. А по матери – старого старшинского донского дворянского рода Волошиновых. Воспитывала меня прабабушка Харенчиха, в девичестве Ландырева, – выпалил я по-военному.

Мгновенно в глазах Льва Николаевича вспыхнули искорки лукавого любопытства. Нас окружало не менее двух десятков любопытствующих.

- Пожалуйста, подробнее о Харенчихе. Это ее фамилия или кличка, как у всех казаков и казачек?

- Харенчихой ее кличут в станице. Ее

муж, мой прадед, - Харенков, но это на русский манер. До революции его фамилия была – Харенок.

Тут Гумилев совсем пришел в возбуждение. Он взял меня за плечо и с нескрываемым восторгом сказал, привлекая внимание всех любопытствующих:

- А ты знаешь, что означает эта фамилия?
– и тут же: - Спорим, что не знаешь?

- Знаю! – ответил я.

- Не может быть! – и вдруг, как будто я был его старым знакомым: - Спорим на «Столичную» - ты не можешь знать значение этого прозвища!

Я жутко смущался: великий, гениальный Лев Николаевич Гумилев сам шел на близкое знакомство... да кто я такой?

Еле переведя дыхание, я ответил ему по жатием протянутой им руки.

- Ну, так кто такой Харенок? Отвечай.

- Секретарь райкома партии, только у тех, кого древние греки звали гордым именем Скифы.

Лев Николаевич шарахнулся от меня, широко раскрыв глаза и рот:

- Точнее, пожалуйста!

- Что-то вроде Дельфийского Оракула у греков, Вещего Олега у славян.

- И вы это знали? Не может быть! От кого ты слышал о том, что значит «Харенок»?

- От самой Харенчихи... Да она такое знала и вытворяла! – спокойно ответил я, оглядывая вытянувшиеся лица слушавших.

- Записывай мой телефон. Звони и приходи ко мне домой на Коломенскую. Не затягивай. Мне интересно, о чем могла поведать тебе Харенчиха.

* * *

В первом классе на мой вопрос «Кто мы и откуда, бабаня?» она, ее двоюродная сестра и еще одна сродница в три голоса ответили:

- Запомни, повторяй своим детям и правнукам: это наша земля от Сотворения Мира. «Мы здесь жили всегда!»

- Как всегда? – возражал я. – Вы мне Библию читали, там про казаков ни слова.

- В Библии ни слова, но мы-то знаем, – хором твердили бабули. – Неважно, на каком языке «тогда буровили». Чия власть – на том и гутарили, как удобно было, народ как жил в «Божьем Присуде» у Батюшки Дона да при море – так и живет досе «с воды да травы». Так бывалыча всегда – запомни! – твердо, уверенно настаивала родня.

Прошло много лет. Давно нет истинных

патриоток родной земли – замечательных мудрых казачек прабабушек. У меня выросли два сына-казака, шестеро внуков. Чем бы я ни занимался – все про казаков получается – «отягощенная» казачья наследственность.

* * *

Предварительно созвонившись, я купил «Столичную», фрукты и торт и с трепетом явился в квартиру на Коломенской. Лев Николаевич радушно, с шутками встретил меня, а увидев гостинец, произнес свое сакраментальное: «Водка – понятие психологическое». Меня неожиданно поразило в его жилище отсутствие библиотеки, как мне казалось, обязательной у такого крупного, всемирно известного ученого-энциклопедиста. В его работах присутствует очень серьезный научный аппарат, множество ссылок на источники. На большом письменном столе, который стоял не к окну, а от него, – ни одного лишнего предмета, только стакан с отточенными карандашами и шариковыми ручками, пепельница, настольная лампа, графин с водой и две стопки бумаги: одна - чистых листов, другая – исписанных. На стенах и под стеклом в шкафах не было ни одной фотографии его легендарно-знаменитой матери, лишь один небольшой портрет отца, Николая Степановича. На мой удивленный вопрос об отсутствии библиотеки он ответил:

- Зачем держать в доме. Все должно быть в голове. Если прочел – то на всю оставшуюся жизнь, со всеми выходными, авторами и страницами. Я еще в лагерях привык все писать по памяти. Записываю уже сформулированное.

Я вспомнил родного дедушку по матери, Павла Ивановича. Он говорил, что самая краткая форма изложения материала – статья в учебнике. С первых классов гимназии приучались учить все наизусть, до каждой запятой, страницы, автора статьи и выходных данных учебника. Недаром бытует мнение, что мы полетели в космос еще на гимназическом образовании.

На вопрос об отсутствии фото Анны Андреевны Гумилев отозвался о ней весьма нелестно. Потом Лев Николаевич заинтересованно расспрашивал меня в подробностях о казачьей жизни, прошлой и настоящей. Я был до слез тронут его глубоким пониманием феномена казачества. Его интересовали этнические, корневые, сущностные основы казачьего менталитета, казачьего былинного, неписаного обыка и фольклора, казачьи заветы и незафиксированные сказания, которые удалось

услышать из уст працедов и прабабушек, их видение и понимание известных исторических фактов. Его интересовало знание нижнедонскими казаками тюркских языков.

Время встречи пролетело почти мгновенно. Незаметно – я почти не пил – опустела бутылка «Столичной» вместе со второй пачкой «Беломора». Лев Николаевич совершенно не закусывал, был трезвым, от него даже не пахло. Изредка, похаживая, он приседал на корточки, покуривая, прислонялся спиной к стене у дверного косяка, несмотря на свою солидность и почтенный возраст, и говорил, что приседать очень полезно для разминки суставов:

- Весьма советую. Хорошая «университетская» привычка.

Первый раз я пробыл у него более шести часов. Наталья Викторовна не раз грозным взглядом пыталась меня выпроводить, но Лев Николаевич мягко ее упрашивал потерпеть гостя.

Через несколько встреч Лев Николаевич серьезно заболел. Его разбил тяжелый паралич. Когда ему немного полегчало, я посетил его только с красной икрой, сыром и фруктами с разрешения Натальи Викторовны. При мне его навестил Дмитрий Сергеевич Лихачев, и я стал неловким свидетелем встречи двух великих ученых с одинаковой – и такой разной судьбой.

Лев Николаевичи и до инсульта не выговаривал половину алфавита, а после понять можно было только половину от половины. До болезни у него возникло желание написать большую статью, даже книгу о казачестве, но, увы, – болезнь...

Ко мне проездом заехал мой двоюродный дядя. Казак станицы Елизаветинской ВДВ Павел Воронцов. Он был старше меня лишь на несколько месяцев, и мы учились в школе в одном классе. Во время его приезда, мы не спали всю ночь, вспоминая счастливое станичное детство. В половине седьмого утра зазвонил телефон... О чудо – извиняющийся за ранний звонок голос Льва Николаевича! Ему ночью не спалось, и он едва дождался утра. Говорит:

- На ваш вопрос, кто такие казаки и откуда, я долго думал, как ответить, и пришел к выводу: казаки – дети ериков (протоков, вытекающих из реки и впадающих снова в нее же – прим. автора).

- И ериков, – добавляю я, – из ерика в ерик.

- Все казаки зовутся только по названи-

ям великих Евразийских рек: Днепра, Дона, Кубани, Терека, Урала-Яика, Днепра, Дуная, Амура и даже Ефрата. Есть Семиреки, Енисейцы, Волжские казаки, Аграханцы и Аргунские. Казаки – сутьnomады шестого типа. Они жили и расселялись по берегам, поймам рек и больших озер Меоты, Азовского моря, Байкала, Каспия и Черного морей. Принято считать казаков конниками – неверно. Конники – третий nomадический тип цивилизации, для казаков он вторичен. Стихия конников-кочевников – водораздел. Главным естественным препятствием для них являются реки, озера, болота, леса, горы. Стихия казаков не степь (Степ), а поймы великих рек. Казаки живут на реках постоянно, передвигаются, как истинные nomады, впитывая в свою культурную среду огромное количество народов и культур. В казачьем языке преобладает русский, он составляет конструктивную морфологическую основу. Больше половины слов имеют тюркские и другие корни. Казаков смело можно назвать русскими, в первую очередь по языку и православной вере, которой они одухотворили безбрежное евразийское пространство.

Я не мог перевести дыхание и перебить Льва Николаевича. Мне, «старому казаку-камышнику», глубоко импонировал взгляд великого ученого на казаков как евразийскую древнюю поречно-займищную цивилизацию.

- Лев Николаевич, так вы полагаете, что казачество – цивилизация?

- Да, именно так! В основе феномена лежат древние цивилизационные основы. Никто, кроме казаков, так широко не распространил своего влияния. От Дуная до Аляски, от Ямала до Индийского океана. Казаки не просто народ – nomad, тип цивилизации со всеми признаками. Кочевники по артериям Евразии – рекам, со своей технологией военного быта.

Лев Николаевич говорил в трубку больше часа, аргументируя цивилизационное начало казачества. Он жалел о том, что раньше не уделил внимания феномену казачества.

- Время так неумолимо. Многое не успеваю закончить, тем более, начать.

Он обещал обязательно написать, как только полегчает. Я до сих пор не могу отойти от сказанных тогда львом Николаевичем слов. Через три месяца его не стало. Очень жалею – не записал. Не был готов к такому гениальному и неожиданному для меня ответу великого ученого на поставленный вопрос. Лично для меня на всю жизнь осталось Гумилевской аксиомой: «Казаки – дети Ериков» и, наверное, последние едва разборчивые автографы.